

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ”, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Мой заместитель по журналу Александр Иванович Казинцев, ревностно следящий за творчеством литературной молодёжи, близкой “Нашему современнику”, недавно опубликовал в нём свои обширные размышления о романе Андрея Тимофеева “Пробуждение”. Роман был напечатан в журнале в 3-м и 4-м номерах за 2019 год и быстро обрёл известность. В августе 2019-го в “НС” была напечатана большая рецензия иркутской писательницы Валентины Семёновой. А следом в прессе появилось столько откликов, что Александр Иванович не смог сдержать восторга: *“Роман вызвал живой отклик. 17 материалов в газете “Правда”, 2 статьи и 70 комментариев на сайте “Росписатель”, 2 рецензии в “Дне литературы”, по одной в “Нашем современнике” и “Красной весне” (газете движения “Суть времени”)*” (А. Казинцев в “Друзья и враги “Пробуждения””. Наш современник, № 3. 2020).

“Роман вызвал живой отклик...” – это правда. Но отклик отклику рознь. Мы в журнале по-настоящему ценим и публикуем те отклики, которые пришли нам по почте от стихийного читателя и почитателя, взволнованного той или иной журнальной публикацией и написавшего нам о своих оценках и чувствах. Именно такое искреннее простодушие радует нас. Именно поэтому я как главный редактор тридцать лет тому назад для переписки с друзьями журнала создал отдел, который у нас называется по-разному – “Слово читателя”, “Читательская почта”, “Нам пишет читатель”. Именно такая связь, которая начинает работать на тираж и популярность журнала, дорога нам. Читатель, порой неожиданно посылающий нам свой “отклик” о Распутине, Рубцове и других наших классиках, имеет совсем другую цену, нежели найденный для отклика функционер.

А 17 откликов в газете “Правда”, которыми гордится Казинцев, появились на страницах популярной газеты не “сами собой”, а благодаря усилиям старейшего сотрудника газеты “Правда” Виктора Кожемяко, давнего друга нашего журнала. Спасибо ему за помощь А. Казинцеву, который, пофамильно перечисляя авторов этих откликов, не забывает об их статусе: “А. Опанасенко, секретарь по идеологии Приморского райкома партии”, “Коммунист А. Крюков из Ростова-на-Дону”, “А. Александров, секретарь Тамбовского обкома КПРФ”, “Е. Мельников, член КПРФ из Орла” и т. д. Слава Богу, если эти коммунисты станут постоянными друзьями журнала, как стали ими сотни читателей России, с которыми я веду личную переписку многие годы, фамилии которых, если начну их вспоминать, едва ли уместятся на журнальной странице.

Но, как бы то ни было, отклики на страницах “Правды” — заслуга Казинцева, и я понимаю его, захотевшего ещё большего триумфа. Он, не дождав-шись стихийных писательских писем о романе, заказал настоящую полноценную статью о романе Тимофеева не кому-нибудь, а известному воронежскому критику Вячеславу Лютому. Осенью 2019 года Лютый с охотой принял этот заказ, а спустя полгода с лишним рассказал мне, что, работая над статьёй, он пытался быть объективным, но в конце концов понял, что Казинцев ожидал от него другой оценки. После нескольких месяцев ожидания ответа от Казинцева Лютый узнал, что статья не будет напечатана в “Нашем современнике”, поскольку Александр Иванович почему-то отдал её в “Правду”.

— Я тогда, — сказал мне по телефону Лютый, — написал письмо Казинцеву с просьбой отозвать её из “Правды”, на что Казинцев ответил мне, что не может влиять на сотрудников “Правды”. Но ведь я писал не для “Правды”, а для близкого мне “Нашего современника”! — с горечью закончил Вячеслав Дмитриевич.

“Статью Вячеславу Лютому заказал я, — пишет Александр Казинцев в “НС”, — и предназначалась она для “Нашего современника”. Я знал Вячеслава Дмитриевича как вдумчивого критика, чуждого дешёвой патетики и в то же время обладающего широтой видения. Однако полученный материал заставил меня сомневаться в объективности В. Лютого”. Странная история! Вся вторая часть статьи Казинцева из “Нашего современника” (№ 3 за 2020 год), названная “Правдоискатели и мастера злословья”, посвящена не роману Тимофеева, а злополучной статье Лютого, как будто бы специально написанной по заказу Казинцева, чтобы разгромить её. Вот несколько антилютовских характеристик из казинцевской статьи: “Откровенная пошлость формулировки не слишком хорошо характеризует критика Лютого”, “В. Лютый совершает фундаментальную ошибку”, “Хочу напомнить Вячеславу Дмитриевичу, что профессионалы должны отвечать за свои слова”, “Лютый просчитался с точки зрения идеологии”, “Лютый неправ с художественной точки зрения”, “Лютый просчитался и с точки зрения социологии”, “К сожалению, Лютый этим пренебрегает...” и т. д.

По словам А. Казинцева, В. Д. Лютый использует мысли Чернышевского из романа “Что делать?” лишь затем, чтобы именем революционного демократа “гвоздить” (так у А. Казинцева) молодого писателя Тимофеева. И за это “преступление” В. Лютый получает от А. Казинцева гневное прозвище “Воронежский Зоил”. И такого рода язвительных и уничижительных по отношению к известному критику “шпилек” у Казинцева пруд пруди. Так в чём же дело? Может быть, Казинцев разозлился на Лютого за то, что тот не оправдал его надежд и не создал блистательного полотна, которое было соткано семнадцатью откликами, помещенными в газете “Правда”?

Допустим. Но почему наш опытнейший и добрейший соратник по журналу не понял, что гораздо естественнее было бы вернуть автору статью, а не становиться в позу “мастера злословия” и не устраивать Лютому публичную порку за статью, тобою же заказанную. И тобою же отпавленную, словно в корзину, в газету “Правда”. Мне не верится, что причиной этому стала весьма “теплохладная” оценка Лютым романа Тимофеева. Скорее всего, Казинцева разгневало отношение Лютого к движению “Суть времени”, которое стоит в центре романа Тимофеева и о котором Лютый пишет если не сочувственно, то с объективностью историка: “Постепенно в сюжете романа начинают вырисовываться контуры политического движения под названием “Суть”, в котором угадываются черты кургиняновской организации “Суть времени”. Лидер и идейный вдохновитель этой “партии” носит фамилию Кургузов <...> модель нового общества и идеология “Сути” кажутся герою — в начале романа как бы со стороны, а в финале уже изнутри движения — достаточно убогими, схематичными, “кургузыми” <...> столкновение главного героя с внутренним обиходом “Сути” оказывается взаимно непримиримым”. А вот несколько “антикургузовских” отзывов из статьи Казинцева “Друзья и враги «Пробуждения»” о том, как речи “Кургузова-Кургиняна” действовали на героев романа Тимофеева: “Кургузов и его окружение программируют сознание участников”; “А дальше начинается обработка сознания”; “В его (Кургузова. — А. К.) словах была одна повторяющаяся мысль”; “Даже вдумчивый Володя поддается внушению: “живое ожесточение этих слов действовало на меня”; “Однако у него хватает здравомыслия, чтобы отметить “ожесточение” в речах руково-

дителя “Сути”; “В другой раз Володя выражается более точно – “безумное ожесточение”; “Лицо Кургузова замерло на экране, искажённое остервенелой гримасой”; “Имя Кургузова облагоде для членов ячейки магической силой”, – он, по словам Казинцева, “обольщает неспящих”, от его сторонников идёт “запах стаи”, и элита кургузовского движения “может только убивать тех, кто с ней не согласен”. Одним словом, тимофеевский Кургузов чем-то похож то ли на тургеневского Базарова, то ли на Верховенского из “Бесов”, то ли на исторического террориста Нечаева.

Простительно молодому писателю Тимофееву сочинять о “Кургузове” и движении “Суть” либеральные “фейки”. Но его наставник должен был бы помнить “допутинское” течение истории с конца 80-х годов прошлого века, когда Сергей Ервандович Кургинян (а не Сергей Владиленович Кургузов) как публицист, мыслящий историк, публичный оратор и режиссёр разоблачал и высмеивал “суть” горбачёвщины, ельцинизма и яковлевщины. Вспоминаю, как действовал Кургинян в восьмидесятые-девяностые годы, когда в 1988 году вступил в КПСС – в то время, когда из неё демонстративно дезертировали Ельцин и Шеварднадзе, когда ренегаты на глазах у всего народа жгли партбилеты, а он в это время уезжал в горячие точки – в Карабах, Вильнюс, Душанбе, чтобы гасить там пламя ненависти к Москве и России.

В сентябре 90-го года он разработал для Верховного Совета механизм репрессий и конфискации против дельцов теневой экономики, разрушающих страну. В те же дни он в союзе с Виктором Алкснисом подготовил для депутатского корпуса документ, называющийся “Стратегия национального спасения России”.

30 сентября 1993 года Сергей Ервандович обратился ко всем защитникам Белого Дома с предупреждением о готовящейся провокации, а во время штурма парламента находился в одном ряду с генералами Ачаловым и Макашёвым. Не получилось у них остановить в сентябре 93-го падение России в бездну, но все они вели себя честно и сделали всё, что могли, не испугавшись ни репрессий, ни клеветы, ни унижений. В те времена Кургинян словом и делом поддерживал коммунистов России во время президентских выборов 1996-го... А вспомним начало путинской эпохи, во время которой с блестящим знанием истории и с патриотическим воодушевлением Кургинян и его единомышленники Александр Проханов, Максим Шевченко и Геннадий Зюганов буквально уничтожали на телевизионных дуэлях в передаче “К барьеру!” своих либеральных противников – Сванидзе, Гозмана, Резника, Пивоварова и прочих выкорышей Березовского и Ходорковского.

Эти страницы борьбы за историю нельзя забыть. Как и события 2011-2012 годов, когда возникла прямая угроза антипутинского государственного переворота, когда проспект Сахарова и Болотную заполнили боровые и новодворские. Именно тогда чрезвычайными усилиями таких идеологов нашего патриотизма, как Проханов и Кургинян, на Поклонной горе и на Ленинских горах были продемонстрированы столь серьёзные возможности масс, что жаждающая либеральных реваншей тусовочная пятиколонная нечисть после её разгрома на Болотной площади отступила, скрипя зубами от бессилия... Да, Тимофеев, видимо, этого не помнит, но Казинцев... Неужели забыл, что именно в 2011-2012 годах Сергей Кургинян был и еженедельным автором газеты “Завтра”, и верным соратником Александра Проханова? Можно питать личную неприязнь к Кургиняну, как к человеку сложному и порой увлекающемуся своими представлениями о том, куда и как идёт история, но забывать о его вкладе в идеологическую жизнь страны в самое что ни на есть роковое время нельзя! “Кургузов” – это не Кургинян. Это безответственная выдумка автора романа “Пробуждение”, почему-то поддержанная Казинцевым.

Да и сейчас многие наши телевизионные поединки (“Время покажет”, “Вечер с Владимиром Соловьёвым”, “60 минут”, “Место встречи”, “Право знать”) становятся настоящей политически-исторической школой для участников и зрителей, когда на арене появляется Сергей Кургинян. Да, молодой писатель Тимофеев может не помнить многого из нашей многострадальной истории на рубеже XX и XXI веков. Но как может опытный редактор Казинцев соглашаться с тимофеевской точкой зрения на “Суть времени” и её создателя, когда он сам опубликовал в “Нашем современнике” несколько выдающихся работ Сергея Ервандовича? Вот они: “Финансовая война” (“НС”, № 5, 1991), “Ответное действие. Меморандум клуба “пост перестройки” (“НС”, № 7, 1992),

“Капкан для России, или Игра в две руки” (“НС”, № 2, 1993), “Второй фронт” (“НС”, № 9, 2007).

В сущности, Сергей Кургинян вместе с Сергеем Кара-Мурзой и Вадимом Кожинным, с Ксенией Мяло, Олегом Платоновым, Михаилом Лобановым, Александром Зиновьевым, с Леонидом Ивановым и Владимиром Бушиным выкладывал могучий историко-публицистический фундамент журнала. Сергей Ервандович под руководством ответственного сотрудника “НС”, отвечающего за раздел публицистики, напечатал в журнале лучшие свои работы. А что через несколько десятилетий он получил в награду? – Карикатурную фамилию “Кургузов”. О времена! О нравы!

* * *

Перелистываю пожелтевшие страницы “Нашего современника” и думаю о том, как нелегко было нам в эпоху перестроечной разрухи сохранять на страницах журнала объективную правду о “сути времени” и не утратить при этом свободу мысли. Вспоминается 1998 год, 80-летие Солженицына. Главный редактор принимает решение опубликовать об Александре Исаевиче статью Вл. Нилова, публициста из второй волны эмиграции, который (на взгляд главного редактора) бесстрашно и честно оценивал разрушительную роль автора “Архипелага...” в деле расчленения СССР.

– Ставим в номер! – сказал я.

Однако неожиданно для главного редактора и коллектива редакции, а также для значительной части читателей трое авторитетных членов редколлегии – Валентин Распутин, Игорь Шафаревич и Владимир Бондаренко – положили на мой стол коллективное письмо, в котором выразили своё несогласие с Вл. Ниловым и Ст. Куняевым. Они сочли, что такое “антисолженицынское” письмо недопустимо печатать в журнале, отмечающем 80-летие писателя. В противном случае они заявили, что выйдут из редколлегии журнала. Но главный редактор, очутившийся в труднейшем положении, так ответил своим друзьям: “Я напечатаю и статью Нилова, и ваше письмо. Но обращусь к читателям с просьбой, чтобы они высказались, кто прав и кто виноват в “споре славян между собой”. Так оно и случилось: большинство читателей при всём их уважении к легендарной троице – Распутину, Бондаренко и Шафаревичу – согласились с моим решением. Вот что такое, на мой взгляд, свобода мысли и свобода действия, чего я не нашёл в дискуссии о романе Тимофеева. Казинцев, наверное, помнит эту давнюю историю и, думаю, не обидится на меня, как не обиделись тогда Распутин, Шафаревич и Бондаренко, дорожившие своей и чужой свободой.

А что касается отношений с молодёжью, то я сам за свою литературную жизнь написал по меньшей мере несколько десятков предисловий к сборникам молодых поэтов, иногда по их просьбам, иногда по собственному желанию. Многие из моих питомцев стали весьма известны любителям поэзии – это Юрий Перминов (Омск), Николай Колмогоров (Кемерово), Владимир Скиф (Иркутск), Татьяна Брыксина (Волгоград), Надежда Мирошниченко (Сыктывкар), Василий Струж (Волгоград), Марина Струкова (Тамбов), Максим Ершов (Сызрань), Геннадий Морозов (Рязань), Владимир Урусов (Москва), Нина Карташева (Солнечногорск), Олег Кочетков (Коломна) и многие, многие другие. Давая им напутствие: “Доброго пути!” – я никогда не слушал ничьих советов (в том числе их собственных) и писал о них затем, чтобы помочь им понять самих себя, не диктовал и не поучал, но объяснял читателю сущность их дарования и характера. Этакой “отстранённости” я, видимо, научился у Пушкина, которого перечитываю всю жизнь и наизусть помню его размышления о смене поколений в нашей земной жизни из стихотворения “К вельможе”:

*Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, бывшее истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколенья.
Жестоких опытов собирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить...*

А может быть, Александр Иванович “пошутил” и с Тимофеевым, и с Лютым, и с Кургиняном?

* * *

Мой комментарий к нашей внезапно возникшей дискуссии начался с “откликов” на них и заканчивается публикацией стихийных писем, пришедших из великой русской литературной провинции на электронную почту журнала. Читал ли их Казинцев – не знаю. Но меня эти “отклики”, никем не запланированные, возникшие стихийно, никем не заказанные, да ещё и требующие некоторой цензуры, привели, мягко говоря, в некоторое смущение. Печатать или не печатать? Но ведь их авторы столько души в них вложили! Ну, как не поверить чувствам нашей любимой поэтессы Дианы Кан, которая с неподдельной простотой и неожиданной пронизательностью, несвойственной женщинам, с душевным тактом и глубокой печалью пишет:

С недоумением (мягко говоря!) прочитала в мартовском номере журнала “Наш современник” текст заместителя главного редактора журнала Александра Казинцева. Во второй части публикации имеет место быть необъективное отношение к одной из работ выдающегося современного критика и многолетнего автора журнала “Наш современник” Вячеслава Лютого. Казинцев пишет, что Вячеслав Лютый якобы не оценил по достоинству роман молодого (35-летнего) прозаика Андрея Тимофеева. Весьма удивила столь эмоциональная реакция Александра Казинцева, поскольку по тональности статья Вячеслава Лютого весьма спокойная и аргументированная. И стало ясно, что Казинцев абсолютно далёк от концептуального понимания творчества Лютого. Ибо Вячеслав Лютый поднял профессиональный критический жанр до самодостаточного и поставил его в один ряд с “господскими” жанрами поэзии и прозы. Он потому и стал ярким явлением современной литературы, что своими эссе о том или ином поэте или прозаике говорит не столько об авторе, сколько через его тексты осмысливает тенденции и особенности выпавшей на нашу долю эпохи. И тут уж говорить о каком бы то ни было пристрастном, “личном” отношении критика к автору не приходится. Лютый своим творческим вкладом в отечественный критический жанр давно заслужил право иметь собственное мнение: это авторитет, признанный ведущими писателями России. А молодому прозаику Андрею Тимофееву выпала большая честь, что Вячеслав Лютый обратил внимание на его произведение и высказал своё мнение, к которому, если пишущий хочет творчески взростеть, ему надо, конечно, чутко прислушаться. Здесь сто́ит, наверное, поднять вопрос о некоей особой “зоне творческого комфорта”, куда ныне старательно пытаются поместить так называемых “молодых” писателей, выделяя их в специальную, привилегированную исключительно по причине возраста, категорию.

Что такое молодой писатель? Лермонтов погиб в 26 лет. Павел Васильев сгинул в аналогичном возрасте. Есенина убили в тридцать лет. Шолохов написал основные части своего гениального романа, даже не достигнув 30-летия... Но эти люди никак не входили в категорию “молодой писатель”. Это были подлинные мастера, очень и очень зрелые творцы!

Поскольку я немало работаю с литературной молодёжью, то часто бываю свидетелем того, как, к примеру, 20-летние поэты насмешливо отзываются о 30-летних, именуя их, скажем так, “старичками”. Возраст в литературе относителен. Можно быть молодым (в смысле, неопытным) писателем и в “сороковник”. А можно – зрелым мастером в 25 лет. Конечно, на фоне литераторов пенсионного возраста 35 лет – это почти юность. Я вообще категорически против разделения профессиональной писательской среды по полу, возрасту, конфессиям, регионам и так далее. Деление возможно только одно – по жанрам! Критик, поэт, публицист, прозаик, эссеист-очеркист... Всё остальное – подмена, которая и привела к тому, что профессиональные писательские союзы многими сегодня воспринимаются, как кружки по интересам. Да, хор пенсионеров и хор пионеров неплохи сами по себе. Но лишь в рамках самодельного творчества, не более того! Мы должны сохранить высокопрофессиональный подход к литературе и передать этот принцип следующим за

нами поколениям. Потому что никакой возраст и никакие связи (как и прочее) не сделают слабые тексты сильными, и наоборот.

Те же врачи, коль скоро сегодня по причине коронавируса они находятся в центре общественного внимания, делятся по специализации, а не по наименованию: молодые-неумелые (лечат, как могут) и пожилые-опытные. По специализации: кардиолог, терапевт, онколог... Да и среди кардиологов, в свою очередь, есть кардиохирурги, кардиотерапевты и т. п. И уж никак не “молодые кардиологи” и “опытные кардиологи”. Если вы пришли в поликлинику, а вам сказали: “Мы вас направляем к молодому врачу!” – а вы вообще-то собирались на приём к окулисту, то вы будете явно в недоумении!..

Поэтому эссе Александра Казинцева я, в определённой степени, считаю даже полезным. (! – С. К.) Потому как оно – информационный повод задуматься и поговорить о недопустимости каких бы то ни было подмен в литературной творческой иерархии. И привести формат литературной дискуссии в профессиональные рамки.

**Диана Кан,
г. Оренбург**

А это профессиональный отклик нашего постоянного автора из села Майского Самарской области Эдуарда Анашкина:

Правду говорят, что в период Великого поста обостряются все искушения рода человеческого. О том сразу мне подумалось, как прочёл в любимом своём журнале “Наш современник” эссе Александра Казинцева “Друзья и враги «Пробуждения»”. Неприятно удивила вторая часть эссе. Объектом критики совершенно неожиданно для меня стал выдающийся современный критик Вячеслав Лютый. Если кратко, то за то, что недостаточно восхитился романом молодого прозаика Андрея Тимофеева, который, как и Вячеслав Лютый, является автором “Нашего современника”. При всём уважении к многолетнему заместителю главного редактора Александру Казинцеву подумалось, а почему выдающемуся критику, как ему является Вячеслав Дмитриевич Лютый, кто бы то ни было диктует, что ему писать? Молодой романист должен быть счастлив уже тем, что на его произведение обратил внимание критик такого уровня, человек очень востребованный и, уж конечно, очень занятой. Пусть даже обратил внимание по просьбе заместителя главного редактора журнала Александра Казинцева, но обратил ведь! Не отделался дежурным: “Молодой? Ну, молодец! Пусть пишет и старается!” И тут надо не критиковать критика, тут молодому романисту надо очень внимательно прочесть то, что пишет Лютый в своём эссе. Если, конечно, романист хочет творчески расти, а не остаться навечно в категории “молодой писатель”, из которой надо побыстрее всякому автору вырастать, как из коротких штанишек. Когда такой опытный критик, как Александр Казинцев, обвиняет Вячеслава Лютото, что для него существуют какие-то симпатичные или несимпатичные герои, то это выглядит очень странно. Для профессиональной критики нет симпатий. Есть герои, хорошо и объёмно выписанные прозаиком. И есть герои, написанные поверхностно. Аналогично: нет хороших и плохих книг. Есть книги, написанные хорошо. И есть книги, написанные плохо. Анна Каренина – симпатичный герой? Или несимпатичный? А Обломов? А Печорин? А Раскольников? А Григорий Мелехов, который воевал то за красных, то за белых? Это симпатичные или несимпатичные люди? Это живые люди, которые в художественном исследовании прекрасны именно тем, что в них порой трагически, порой комически сочетаются человеческие достоинства и неизбежные человеческие же несовершенства. Как бы читатели ни порицали Анну Каренину, как бы ни спорили о судьбе Григория Мелехова – эти персонажи потому и не отпускают нас, что кажутся даже более живыми, чем живые реальные люди. Тем и прекрасна литература, что в ней мы восхищаемся тем, чем порой не восхищаемся в жизни. Она учит нас не нотациями, а ситуациями. Потому и не спутаешь ни с какими другими эссе Вячеслава Лютото, что он не делит персонажей и авторов на симпатичных и антипатичных.

А ведь творчество Лютото ценят не только писатели и интеллектуалы. Для меня куда как показательнее был случай, когда прочитавшая в книге стихов предисловие Лютото сельская женщина, которой я дал почитать книгу, на мой вопрос, как ей понравились стихи (имя автора в данном случае не суть

важно), кивнула – стихи хорошие. Но тут же добавила, что не меньше, если не больше, понравилось ей предисловие в книге. Потому что оно и доброе, и строгое одновременно! Спросила меня: “А Лютый – это его, стало быть, фамилия или псевдоним? Уж больно строгий! Но умён, умён-то как! Прямо Белинский наших дней...”. Вот оно – признание народное, когда критику читают наравне со стихами, о которых пишет критик! В 2016 году мы немало лично общались с Вячеславом Лютым на Всероссийском празднике “Сияние России” в Иркутске и на родине Валентина Григорьевича Распутина, куда всех нас, гостей праздника, возили. Я всё думал – стоит ли рассказать Вячеславу Дмитриевичу этот случай с сельской почитательницей его таланта? Всё-таки не стал говорить. Женщина сказала восхищённо, она, поди, и других-то критиков, кроме Белинского, не знает. Но если говорить не по-читательски, а по-литературному: Лютый, конечно, не Белинский. Свой почерк, своё видение задач литературы, свой классовый подход и партийность, которые я определил бы так – максимально качественная литература. Вот с этих позиций и надо рассматривать творчество Лютого. Знаю, что очень-очень многие писатели России восхищаются острым и ювелирно-точным пером Вячеслава Дмитриевича. Но когда критической статьёй восхищаются рядовые читатели – вот это и есть настоящее признание! Собственно, Лютый ни в чьей защите не нуждается. Это одно из самых ярких имён современной литературы. **Печалит меня в этой ситуации другое – не хотелось бы, чтобы журнал “Наш современник”, пусть даже из лучших побуждений, из журнала собирания лучших литературных сил России и бывшего СССР превратился в площадку, сеющую вражду между своими авторами. Сила – в единстве и в признании права коллег на то, что они считают нужным сказать.** Лютому цензоры не нужны. Это не какой-то начинающий молодой литератор, которому ещё надо доказать своё право на звание писателя без извинительной добавки “молодой”. Доказать не статьями о нём, не принадлежностью к свите того или иного маститого литератора, а только собственными текстами. Как написала когда-то, тоже будучи молодой, Юнна Мориц:

*Живи на то, что скажешь только ты,
А не на то, что о тебе сказали.*

**Эдуард Анашкин,
село Майское Самарской области**

А это, может быть, чересчур страстное письмо нашего автора, живущего в г. Саров, полученное Дианой Кан, которое она сочла необходимым тоже прислать в “Наш современник”:

Дианочка, здравствуй! Обнимаю тебя, моя хорошая.

А теперь извини, о совсем грустном. Опять же извини, нет сил писать более, чем написал Нестругину*. Поэтому перешлю тебе письмо, отправленное ему.

Саша! Поделилась сегодня Римма Лютая со мной вот такой новостью: в “Нашем современном” (в мартовском) А. Казинцев изволил дать премерзкую статью, в которой он под флагом “Чувства Родины” топчется на имени нашего с тобой друга, называя Славу по сути врагом (надо думать и литературы, и Родины). Этот критик своё действие облекает в якобы разговор о романе Тимофеева “Пробуждение”, оперируя именами Достоевского, Чернышевского, Толстого. Я непременно назову вещи своими именами, чуточку остыв. Но, Саша, вот в чём дело: во-первых, я вполне оправданно боюсь, что чувства в моём послании будут преобладать над сутью. И, во-вторых, орфография-то у меня хромает.

Не сможешь ли ты мне справиться со вторым моим недостатком, хотя излишек чувств в послании тоже как бы не был лишним. И потом, ну, ладно у себя в Фейсбуке я размещу письмо. Но мне хотелось бы, чтобы оно досталось как можно большей читательской аудитории! Как и где это сделать? Как ты думаешь, могу ли я обратиться с таким посылом к Дорошенко? Меня вовсе не волнуют возможные последствия для моих публикаций. Меня интересует,

* А. Нестругин – воронежский поэт.

сможет ли он дать хотя бы моим письмом отповедь этой грязи? А может, подскажешь какие-то другие издания или пути? Как жаль, что я “неживой” со своей коляской. Я бы нашёл дюжину перчаток и утащил (...) в честный перчаточный век!

Диана! Я, помимо неприятных отношений твоих к Дорошенко, могу только догадываться об остальной гамме чувств. Но сейчас я прошу тебя дать мне совет: куда и как ткнуться? Можно же и совместное письмо дать?

Римма написала наотмашь, что статья заказная. Если так, то тем более нельзя им спускать! Напиши мне, что думаешь. Обнимаю. Ведь эту гадость нельзя так оставлять.

**Геннадий Ёмкин,
г. Саров**

Иные авторы сочли нашу дискуссию столь серьёзной, что не ограничились себя короткими и страстными откликами и разродились целыми исследованиями конфликта, одно из которых, выкроив для него несколько журнальных страниц, мы решились опубликовать. Автор исследования – прозаик Василий Киляков, неоднократно публиковавшийся у нас в журнале.

“А был ли мальчик?...”

(По следам статьи А. Казинцева “Друзья и враги “Пробуждения”)

Нынешнее сумбурное время, меняя нас, сместило и перенаправило и самые веши наших путей: они развернулись как-то совсем иначе, непредсказуемо, неожиданно. Дела достойные мы перестали замечать. Мелковатые склоки принимают масштабы бедствий. Люди, уважаемые за прошлые заслуги, вдруг выкидывают такие “коленца”, что диву даёшься. В чём причина? Может, поменялись стороны света на компасе? Нет. Глобализация, коронавирус влияет на природу мышления, нравственность и поступки человеческие? Не знаю, не могу понять.

Мне возразят: так было всегда. Прежние авторитеты тускнеют; зажигаются новые “звёзды”; бывшие надежды, утратив высоту, превращаются в песок... Виновата в этом, конечно, не только пандемия инфлюэнцы: что-то в мире невидимо трансформируется, динамически меняется – и эта материализовавшаяся новизна начинает жить своей жизнью. Цель превращается в мнимость, высокие идеалы катастрофически снижаются до чего-то примитивного, плоскостного. Ждёшь от человека, судя по былым его действиям, одного, а получаешь нечто, противоположное ему же самому, только прежнему. Вот и я удивился одной из недавних статей Казинцева А. И., которая была воспринята мною как нечто совершенно неожиданное. Иначе как “оказией” её и не назовёшь. Здесь вполне уместен замечательный совет именитого писателя: “... не прикасайтесь к идолам, на руках останется позолота”.

Может ли быть наше время не только горьким, но и восхитительным? Наверно. А если помнить, что мы все в одной лодке, исполнимо ли требование, которое транслируют ныне по всем каналам и сайтам: “Держаться подальше друг от друга”? Нет, конечно. Подальше – это на сколько? На расстоянии “чиха” или “укуса”?

Невзирая на вспышку коронавируса, весьма желалось мне поехать к уважаемому мною заместителю главного редактора “Нашего современника” А. И. Казинцеву, и вот по какому поводу. Опубликовал он в любимом мною, включая и меня, журнале “Наш современник” прелюбопытную статью “Друзья и враги “Пробуждения” за своим авторством. И разбирается в ней великий (ну, если не великий, то великолепный – на эпитеты критик не скупится) роман молодого писателя А. Тимофеева “Пробуждение”. Доверчиво вчитываясь в текст статьи и листая журнальные страницы, я время от времени переводил взгляд на свои пальцы. Нет, вируса я не увидел. А “позолота” осталась...

Да, понимаю: отстаивая этот “воспитательный” и “многоуровневый” опус, авторитетный автор защищает даже и не сам “роман”, а идею иного, лучшего

социального мироустройства. Идею, которая и по духу, и по нравственному строю близка не только ему, но и мне. “Надо что-то менять, необходимо. Проснитесь!.. И в первую очередь – молодые”, – таков пафос статьи. Именно в расчёте на такое “пробуждение” Казинцев отстаивает своё право на свою работу и свою помощь молодым авторам. И особенно – А. Тимофееву. На что как редактор имеет все основания. Настораживает другое. Вот над этим-то “другим” и сто́ит поразмыслить.

А ведь (как ни парадоксально) хорошо, хотя и невыполнимо то, что держаться сегодня надо с соблюдением дистанции. Иначе нас утащит, закрутит и смоеет в воронку усобиц “COVID-2019”. Заражение, похоже, происходит и на ментальном уровне. В самом деле, не нового ли пробуждения социума – и давно уже! – все мы чаем?.. Так и прежде: ожидали “свежего ветра свободы”, а получили – “сквозняки” да “ураганы”, мусор, летящий навстречу движению, песок, застилающий глаза... А когда проморгались, увидели, что “проморгали” самое важное – опоздали.

Опус Тимофеева потому и виделся насущным, что он как будто именно о том, как необходимо скорое нравственное и действенное пробуждение мыслящей и творческой молодёжи в наше время. Она, молодёжь наша, идёт-пробирается козыми тропами вверх, ищет проходы к правде, смыслу, даже – к вере... Ну, тут Тимофееву повезло: у него случился наставник такой опытный, влиятельный, разумный, преданный делу... Без страха и упрёка и в крупном, и в мелочах.

И здесь, казалось бы, причина проста: увидел Казинцев молодого даровитого автора. Разглядел его давно, помогал ему в написании романа, приглашал для правки домой, ревновал об успехе, подсказывал, вёл. А тотчас после публикации заказал заботливо несколько статей о выпестованной новинке, и не абы кому. Среди планируемых отзывов критиков – высокопрофессиональный В. Д. Лютый, уже многих молодых литераторов поддержавший своим авторитетом и добрыми публикациями. И отчего-то был А. И. уверен в успехе, ожидая получить от него статью вполне комплиментарную или даже хвалебную... Таковую, чтобы, ух!.. Но Лютый, в своё время очень положительно оценивший раннюю повесть Тимофеева “Навстречу”, в новом произведении автора, претендующем на романский жанр, не увидел заявленной высоты, новизны, величия замысла и его исполнения. Тут бы редактору и задуматься, и, возможно, поспорить; согласиться или попытаться переубедить оппонента. Вместо этого читаю – и не верю глазам. Да полно, Казинцев ли это, Александр ли Иванович? Безапелляционная “отповедь” Лютому, не признавшему роман удавшимся. Да ещё и в какой форме... В итоге редакционная статья, предполагавшаяся стать разгромной, на деле ничего, кроме недоумения, не вызывает.

Так кто же они в действительности, эти враги “пробуждения” нашей молодёжи? Может быть, я? Или В. Д. Лютый? Вовсе нет. Нам ли, пожившим в разные времена и многое видевшим на своём веку, путать вещь и ветошь, доску со святцами? Неододеланный артефакт – с его идей, задумку автора о предмете – с её неловким исполнением?.. Да, социализм вернее и справедливее капитализма, согласен. Но... “зачем же стулья ломать”?..

“Хрустобулочки”-идеалисты внушают, что при царе-батюшке жили, как в раю. Но монархия, мать порядка, – идеал и мечта, и стремление...

Однако есть иная крайность. По статистике опросов, до 37% молодых и относительно молодых людей (до сорока лет) одобряют прискорбные события в нашем Отечестве 1991–1993 годов: расстрел парламента и приход к власти Ельцина. В голове – опилки!.. И с этим, конечно, необходимо работать. И важная часть этой работы – написание хороших, крепких и умных книг, интересных и доказательных. Желательно – сверстниками тех, к кому обращены эти книги. А они не доверяют публицистике: сухие цифры и доказательства ими не принимаются, а зачастую лишь настаораживают.

И как тут не согласиться с Казинцевым, что роман, да молодым написанный о молодых и о наболевшем – дорогого стоит. Но ведь об этом, главном, в статье его едва упоминается. Сама же статья А. И. двухчастная...

В первой части под заглавием “Чувство Родины в эпоху смуты” автор пытается доказать нам, что “роман” А. Тимофеева (условно продолжим называть сей опус так), во-первых, не имеет себе равных в наше время. И второе: что он удался и состоялся вполне. Далее перо редактора разогналось,

разогрелось, как гвоздь для подковки, да так, что трудно остановить (и сам автор статьи в этом признаётся).

А во второй части статьи, поименованной “Правдоискатели и мастера злословья”, Казинцев выдвигает нелепое обвинение: в его трактовке В. Д. Лютый (за творчеством которого я, к слову, слежу с 1996 года) как критик, оказывается, враг этого самого “пробуждения” молодёжи, а поскольку не понял высоты “романа”, то и не заслуживает доверия. Однако Лютый в своём вполне аргументированном и на личности не переходящем отзыве на опус Тимофеева говорил отнюдь не о самом авторе, даже и не о пробуждении молодых как таковом, а именно – о новом произведении молодого прозаика. О героях, в нём действующих или бездействующих. О подлинности характеров, о достоверном или недостоверном описании событий, о воплощении замысла.

Казинцев же с очевидной горячностью увлекает нас в пучину событий. Но не самого романа, а того действия, что завязалось вокруг выхода его в номере “Нашего современника”.

Само по себе тимофеевское “Пробуждение” – не программа и не сигнал к действию. Да, пожалуй, даже и не художественное произведение. Это следующие друг за другом длительные, часто расплывчатые и необязательные монологи и рассуждения. И не стоит ссылаться на стилистику европейского “нового романа”: и время, и место – другие, они нынче требуют определённости.

Начать с того, что “роману” Тимофеева, который так вкусно подаёт уважаемый заместитель главного редактора “НС”, было отказано в публикации в нескольких толстых литературных журналах. В переизданиях – тоже. Его отвергли и журнал “Москва”, и “Роман-газета”. Введённый в список премий для молодых авторов от партии “Справедливая Россия”, он не получил признания и там. Выдвинутый на конкурс “Золотой Витязь”, тоже не был отмечен даже дипломом. Не имея никаких предубеждений ни против Тимофеева А., ни, уж тем более, против Казинцева А. И. и, скорее, огорчённый неудачей одарённого литератора, чем удивлённый, вспоминаю я первый прочитанный мною рассказ Тимофеева “Свадьба”. Психологически выверенный, этот рассказ тотчас убедил меня, что появилось новое имя на нашем литературном небосклоне. А вот “роман” не порадовал. Словно разные люди писали два этих произведения. Но что ж из того? Ждём. Многие, даже крупные писатели творили неравнозначно, примеров хоть отбавляй. Тревожна не эта творческая неудача молодого писателя; тревожна причина нападков Казинцева на несогласных с его подачей этого опуса, не согласных хвалить заурядную литературную неудачу. И вот они уже и враги “пробуждения”? Здесь невольно видишь какую-то затаённую месть, желание не переубедить даже, а, как говорят в народе, “накинуть платок на чужой роток”. Атака на “вражеские позиции” ведётся маститым публицистом со знанием дела и с хорошей артподготовкой, с апелляциями к великим, с точным цитированием и указанием места цитаты в десятинике и прочее...

Читаешь – и хочется остановить его словами Фрейда: “Дорогой А. И., иногда сигара – это просто сигара”. До смешного доходит, право слово, создаётся впечатление, что из всех “кинжалов” сверхзвуковых, из всех “посейдонов”, из самоновейших пушек и установок “град” ведётся нескончаемая пальба... В небо, как в копейку, причём по ничтожному поводу.

Дело даже не в том, что Лютый В. Д. – фигура в современной отечественной литературе абсолютно не равнозначная начинающему автору, который по имеющемуся “романическому” поводу был оценён мастером невысоко; Лютый – фигура, не требующая никаких подтверждений, одобрений и доказательств (пусть даже и Казинцева) ума и таланта; фигура, давно состоявшаяся и едва ли не единственная по масштабу в нашей сегодняшней литературе. Лютый не только сам делал и делает бесконечно много для развития отечественной литературной школы, но и, как упоминал я, вывел уже не одного автора в писатели и поэты, известные и уважаемые. Достоин внимания одно то уже, что на заказанную статью известного направления и известных ожиданий он пишет критику объективную и компетентную и не меняет собственного мнения в угоду мнимой “удаче” и “полезности”, не играет в поддавки. Председатель Совета по критике Союза писателей России, В. Д. Лютый честно излагает своё мнение в статье на сайте “Русский писатель” (публикация “В координатах духа и воли” от 12.12.2019). А вот то, что его статью о романе Тимофеева

не опубликовал тот же Казинцев в “Нашем современнике” лишь потому, что она не лестная, будем говорить прямо, — это обстоятельство как раз вовсе не на пользу уважаемому журналу. Мало того, но и его “разнос” “врага” со ссылками на великих, от собраний сочинений Пушкина до Достоевского, с указаниями на тексты Боратынского и проч., и проч., — эта атака, ей-богу, не то что повергает в недоумение, но выглядит поистине карикатурно.

Не скажу точно: когда, при каких обстоятельствах, в каком настроении и в каком томе, на какой именно странице, но А. С. Пушкин в известном эпизоде выдвинул Булгарину главный упрёк: “... Беда, что скучен твой роман”. А это уже 1830-й год, и гений в зрелом возрасте говорит так прославленному и влиятельному чиновнику от литературы и писателю. И этого довода, кажется, вполне достаточно. Что-то изменилось сегодня во взгляде на литературу наших дней? Или скучный роман стало возможно оправдать “воспитательной” целью? Вряд ли. Так с чем же мы имеем дело? С прямой (хотя и не известной нам) заинтересованностью в необходимости признания именно этого опуса? Опять-таки: не знаю. Но, читая “роман”, по шуму вокруг него ждал я одного, а получил совершенно другое. Экая вышла “оказия от Казинцева”, ей-богу! Зря потраченное время.

Даже понимая, что даровитые романы жизненно необходимы сегодня именно в противовес премированным сто раз сомнительным “патриотам”: и “Патриоту” А. Рубанова, и его “патриотам”, которые устраивают свою жизнь, продавая телогрейки-ватники, топоры и лопаты (а на большее они, видно, и не способны, судя по тексту), которые лишь на словах планируют Луганск и бои за правду и пробуждение, а кончают жизнь в США, в Филадельфии, в обнимку с доской для сёрфинга... Даже когда мы ужасаемся гриппующим персонажам Сальникова (“Петровы в гриппе и вокруг него”), всё же одно для нас остаётся несомненно: качество текста, живость повествования, интерес, прежде всего, — это “детали” для романа и для автора, даже молодого, совершенно необходимые*.

Да, у Тимофеева главный герой, пусть и сомневающийся, не едет в Калифорнию, а предполагает в конце повествования везти инсулин для спасения живых в Луганск, что само по себе похвально. Но, судя по характеру персонажа, как-то слабо верится в то, что сие предположение реально. Володя Молчанов вряд ли способен на такой поступок, ведь действия персонажей естественно исходят из прожитого ими опыта. И если уж случится подлинное пробуждение главного героя, то оно начнётся именно в районе боевых действий и только там, на минных полях, с кровавыми бинтами... Пробуждение-противостояние. А митинги, споры, рефлексии и размышления, скорее, всё же ближе по колориту к “Петровым в гриппе” и рубановскому “действию через бездействие”. То есть, как и во всяком слабом романе, именно сам замысел его и восстаёт на изображённые в тексте характеры (о чём подробно и точно пишет Лютый В. Д.). Ведь и текст, и здравый смысл сопротивляются, да и сами характеры: фактура не та.

Понимая, что все мы существуем, и уже давно, “в гриппе коронавируса” — в бесславном, лживом, униженном сюрреалистическом общественном пространстве, — Лютый называет свою статью “В координатах духа и воли”. И здесь главное требование к писателю (хоть и молодому), и главный упрёк его “роману”. Как было не заметить этого Казинцеву? Ведь на поверхности лежит!.. Или это обида и поза?

Даже и понимая, что нужен достойный ответ всей той туфте, которая обречена на якобы звёздное “сияние” при поддержке денежных мешков либералов, даже и зная это, сопротивляясь ему, мы должны идти иным путём — путём таланта и качества написанного; путём доказанной и явленной во всех координатах правды. То есть требовать и от себя, прежде всего, именно того, чего нынешней литературе так не хватает, как ни горько это признавать... Как и творческому опусу Тимофеева, при должном к автору уважении. И здесь бесполезно и даже, пожалуй, вредно опытным критикам и редакторам подыгрывать молодёжи, подмигивать и не договаривать. И, напротив, скитаясь по пустыне нашей бесплодной литературы, негоже, “аки лев рыкающий”, кидаться на ближнего, причём на того, кто разделяет наши убеждения. Не красит

* Речь идёт о книгах прозаиков А. Рубанова и В. Сальникова, изданных “АСТ” и награждённых множеством литературных премий.

охотничья стойка старшего “защитника молодых” – готовность загрызть того, кто написал “не то и не так”, как им предполагалось, или – в пику лицеприятной газете “Правда”. А кроме “Правды”-то и не удостоил никто сей роман своим вниманием...

Какое удивительно странное, непонятное время! Литература будто застыла у некоей белой черты на гауптвахте: “Решай, ты по ту сторону или по эту от белой черты, между свободой и карцером?! Если по эту – присаживайся, и мы механической машинкой выстрижем тебе полголовы. Даже и не выстрижем, а надёргаем тупыми её лезвиями, космато и с кровью... И отправляйся, куда прикажут: или на плац внутреннего двора, или в камеру. – Почему? За что? – Да просто потому, что я здесь решаю. – А кто вы: фельдфебель? старший прапорщик? – Страшный прапорщик”, – как говорили “на губе” в моей молодости.

“Ох, и несдобровать тебе, автор Василий, – скажут мне; и будут, конечно, правы. – Старшие прапорщики, если они долго при власти, делаются уж как свирепы!..”

А ситуация и впрямь запущена давно, дальше некуда. Но необратимо ли? Казинцев – человек верующий и, уповаю, простит меня, грешного, Великим постом. Помню, читал я в 2018 году прелюбопытную статью “Поколение “НС”. Читая, почувствовал какую-то дисгармонию – и только лишь на второй странице насчитал... аж тринадцать раз повторяющиеся местоимения “Я” и “Мы”. И бросил считать. Дальше – больше: уж столько мёда, прямо рекой течёт. “Что-то не то творится... то ли с “Нашим современником”, то ли с Казинцевым А. И., – подумалось тогда. – Какой-то культ личности. Опытный публицист должен бы избегать этих местоимений и медовых потоков, тем более от себя и о себе, да во всех превосходных степенях. “Я” да “Мы”... так работаем с молодыми, как никто!..” Этак, подумалось, он и в языкознании скоро себя покажет, и в партии... того. И всплыл в памяти некий персонаж из фильма “Волга-Волга”. Впрочем, дело прошлое: прочитал тогда, пораздумал – и забыл... Вроде даже и смирился: как-никак, второе лицо в уважаемом журнале; может, оно и ничего, может, так и верно, правильно...

А теперь уж по накатанной: что ни год, что ни номер журнала, то “подарок” себе, любимому. Вот и в прошлом году, на 65-летие Казинцева – статьи в том же “НС” Рубрика называется: “Кто для вас Казинцев?” Трудно предположить, что рубрика эта была случайностью или неожиданностью для заместителя главного редактора, подписывающего каждый очередной выход журнала, – то бишь для него самого, А. И.; этого в принципе быть не может. И кого только не случилось в череде его восхвалявших: и З. Прилепин, и Чеслав Кирвель, и Н. Рыжков, и Е. Степанов, и А. Колпакиди, и – вот чудеса! – автор будущего “Пробуждения” А. Тимофеев... Ох, и дифирамбы выдали там “на-гора” о нём! Сколько патоки, сколько сладкого... Право слово, дай Бог долгой жизни уважаемому Казинцеву А. И., но порой и на поминках столько не скажут. “Именины сердца!..” Не призываю ни к мудрости, ни к скромности – были бы берега.

Вот по статье “Друзья и враги “Пробуждения” тотчас и видишь, во что перерастает этакое самолюбование да самоуважение. Едва кто правду вымолвил – тотчас “к ногтю” несогласных! Позвольте, но Вы же сами попросили высказать мнение о романе? Своё, подчеркну, мнение. Человек согласился, прочёл этот, прямо сказать, нечитательный текст. Написал вполне спокойный по тону, аргументированный, хотя и нелицеприятный отзыв. И в ответ получил не то что благодарность и гонорар, а прямо какое-то преследование за неблагонадёжность. Так, что ли? Да право, уж не запущена ли ситуация непорочно, не теряем ли все мы уважаемого друга и единомышленника? И с чего такая ревность не по разуму: всё за молодых и для молодых!

Так стоит ли воевать с испытанными, честными и проверенными временем мастерами по малейшему поводу и без повода? Да и есть ли уверенность в том, что и А. Тимофеев непременно продолжит развиваться по намеченной Казинцевым канве? Или тоже взбрыкнёт и сорвётся? Честно говоря, не знаю. Вот как описывает сам Тимофеев один из своих разговоров с преподавателем по Литинституту М. П. Лобановым вслед съезду молодых писателей в Липках (“Уроки литературы и жизни”. “НС”, № 1, 2017): “Как-то, съездив первый раз на Форум молодых писателей в Липки, я пришёл на семинар и стал говорить, что там, у либералов, много талантливых молодых ребят, и мы должны пы-

таться привести их к себе, и это было бы здорово. А он (М. Лобанов) так лукаво сощурился и вдруг с улыбкой спросил: “А вы сами, Андрей, часом ещё не либерал?” И тогда я как-то смутился и стал отчаянно доказывать, что нет и никогда не буду”.

Это “нет и никогда не буду” – похвальное, конечно, заявление. Дай Бог, коли так, а если нет? Если и Тимофеев, заматерев и слиберальничав, уйдёт в сторону? И что ж нам останется: трубка да цинковка, как индийскому брахману, А. И.? А мы уже как будто на всё готовы, на всё “ради молодости и неопытности их юной”: шашкой рубать... перессориться между собою. И спросит нас в свой черёд “племя младое, незнакомое”: где же ваша мудрость? И что делать тогда с этой больной задумкой: полярно разъединить, развести патриотические силы по принципу: “Бей своих...?”

“17 материалов в газете “Правда” (о романе), 2 статьи и 70 комментариев”, – говоря о значительности заявленного романа, напоминает Казинцев. Семидесяти, как ни искал, я не нашёл, а пять есть. Возможно, я не умею искать... “2 рецензии в газете “День литературы” и в “Нашем современнике”, и в “Красной весне” (“Суть времени”)”. Да, звучит весьма убедительно и с претензией на то, чтобы “срезать” отзыв-размышление В. Д. Лютого. Но по факту... как-то определённо маловато. И интереса к тимофеевскому опусу не пробуждает. Но автору статьи “о друзьях и врагах” это не мешает сделать невероятно веские заключения на основе представленных публикаций.

Нимало не смущаясь, Казинцев заявляет: “Конечно, первой приходит мысль о таланте писателя. И мы ещё будем говорить о его мастерстве. Однако талант – понятие субъективное, кто-то способен оценить, кто-то нет”. И так опытной рукой маститого публициста А. И. подводит нас к пониманию неизбежного диагноза: если я прочёл “роман” Тимофеева и не восхитился им, то дело не в “романе”, а во мне самом, это как пить дать. Просто не способен-де оценить. Несоответствие читателя, так сказать, размаху таланта автора произведения.

Однако, читая апологию “Пробуждения”, никак нам не понять ни этого “сам дурак”, ни этого “просто не способен” – с какой целью сказано? А далее ещё мутнее: А. И. вдруг решается открыть тайные пружины действия, так сказать, самое изначальное начало, первый посыл написания сего “романа” и повествует: “В марте отмечали пятую годовщину присоединения Крыма и начала Донбасской кампании. Я торопил Андрея”. И Казинцев “пошёл на серьёзный риск: отдал в типографию первые две части, ещё не зная, чем кончится роман” (ну, Достоевский Ф. М., ни дать ни взять). И, конечно, с честью вышли оба поделника из создавшейся ситуации. Как говорят, по таланту и удача. Или вот тоже: кто не рискует, тот не пьёт шампанского. “Риск оправдался...” (ещё бы!) – “опыт критика”... Затем это рискованное мероприятие оценит и публицист Виктор Кожемяко, всё в той же “Правде”. И цитаты, и сцены митинга из романа, в общем-то, заурядные: “В Москве майдану не бывать...” и прочее.

Заговорит Казинцев о “пластах” и “уровнях” сложного текста “Пробуждения” – и опять цитаты, опять-таки из “Правды”, но уже молодого критика Юрия Харлашкина (№ 112, 2019)... Всё идёт в дело для доказательства той идеи, что “роман” велик. И всё яснее звучит это “сам дурак” из суфлёрской будки на втором плане, всё слышнее читателю именно суфлёр... И так неторопливо и весома, *andante* подводит к удару в литавры опытный литературный лоцман Казинцев. И вот оно: “браво и брависсимо”!.. Но опять-таки: зачем, с какой целью? К чему такому важному меня так уверенно готовил драгоценный А. И.?

Вот, к примеру, отрывок из восторженной его статьи: “Уже на второй странице автор сталкивает порыв Кати, пришедшей на митинг поддержать любимого, с безразличной мощью толпы. “Катя изо всех сил замахала ему ладошкой, но Андрей не заметил”. Это умиляет Казинцева. Он пишет: “Здесь зерно любовного сюжета – до последних страниц, до прозрения Андрея, его превращения из зомбированного пушечного мяса в мыслящего и чувствующего человека, – события будут воспроизводить ту же матрицу”. И так, из зерна будьте любезны – прямиком аж “в матрицу”. И далее, тут же: “Писатель ещё раз закрепляет мотив одиночества Кати, предельно расширяя его смысл. Уходя с митинга, Володя обернулся – и не смог различить Катину фигуру посреди огромной площади”. То есть Катя была. Но её не увидели. И настигает вопрос:

а была ли и впрямь Катя, если она никак и ни на что не повлияла? И вопрос этот вторит пушкинскому, а затем и горьковскому лейтмотиву: “А был ли мальчик?” (собственно, в данном случае – девочка), – если никто дитя не видел?

Странно, но и это умиляет опытного критика. Напоминает ему впечатляющее действо наглядного одиночества человека в толпе. Так влюблённый ищет и находит в предмете своей любви одни достоинства и подтверждение этих достоинств. “Столкновение человеческого порыва и надчеловеческого безразличия поднято на новый уровень, достигая впечатляющего обобщения, – пишет Казинцев. – Если в первом случае Андрей мог заметить жест Кати (он стоял всего в нескольких шагах от неё, но, увлечённый речами ораторов, не оглядывался), то во втором – фигурку девушки не различить: масштаб человеческий сменяется масштабом истории”. Ну, убил, добрейший А. И., наповал убил!.. Вот что бывает, когда мастер хвалит “мастера”, пусть и молодого. Прямо слёзы на глазах. “Масштаб истории!” – ни больше ни меньше. Катю никто не видел, но это не недоразумение, вовсе нет. Это задумано, чтобы показать... величайшее одиночество маленького человека в масштабе истории. Не увидеть человека в толпе митинга – это, страшно молвить: масштаб! И далее в том же духе. Короче, ныряем в ванну с головой. . .

Хочется закончить с гауптвахтой. Было так. Всё у той же белой черты на гарнизонной “губе” в городе Киеве. На плац молодой боец принёс починенные берцы старшему (“страшному”) прапорщику. Тот был грузен, краснолиц. Всё вертел их в руках и с похмелья никак не мог сообразить, припомнить что-то. Я подошёл к нему, глядел, как он долго потел и мучился, и, как ни старался, не мог напялить принесённые бойцом берцы. “Товарищ прапорщик, вы язычок выньте”, – посоветовал ему боец. Прапор поднял на него взгляд тяжёлых запущих глаз, подумал – и, натягивая ботинки, высунул язык. . .

Отчего пришла на память эта картина, припомнилась?.. Никак понять не могу. Или всё же есть какая-то связь? Решать читателю. . .

**Василий Киляков,
Г. Электросталь**

Ко всему вышесказанному не мешает добавить, что Вячеслав Лютый, насколько это возможно было, оставался критиком не “осуждающим” Тимофеева, а внимательно “рассуждающим” о романе: “Отдадим должное характерам некоторых героев и изобразительности последних страниц “Пробуждения”. Андрей, усталый, душевно зажатый, но отчётливый в словах и поступках, фигура с биографией, скрытой от посторонних глаз долгой и мучительной прошлой жизнью. Этот образ обязательно пригодится автору потом, в других историях. <...> в финале романа нескончаемый монолог Молчанова смолкает, и зрение, наконец, обретает свои важнейшие права: видеть окружающее без прикрас – вглядываться в лица современников – отмечать всё, что свидетельствует о добре и зле, без привычного начётничества”. Читаешь эти оценки романа и думаешь: побольше бы нам таких добросовестных критиков.

P.S.: Я, как главный редактор журнала, отвечающий за всё, что в нём происходит, приношу извинения читателям и авторам “Нашего современника” за то, что не ознакомился с материалами мартовского номера в то время, когда он готовился к публикации.

В первую очередь, конечно, мне помешала вирусная эпидемия, ворвавшаяся в мой дом и чуть было не сокрушившая жизнь нашей семьи. Кроме этой напасти, ознакомиться со злополучной дискуссией мне помешала обострившаяся глаукома, из-за которой врачи запретили мне нагружать глаза чтением. Да и, конечно, меня подвело доверие к моему опытному заместителю, который не счёл нужным познакомиться меня со своим рискованным для журнала “антикуриняновским” и “антилютовским” сочинением.

Но огорчительнее всего то, что в вышеприведённых письмах-откликах есть правильные упреки: “Не хотелось бы, чтобы “НС” из журнала собирания лучших литературных сил России превратился в площадку, сеющую вражду между авторами” (из письма Э. Анашкина). “Тем более нельзя им спускать! – это нам с Вами, Александр Иванович. – Ведь эту гадость нельзя так оставить” (из письма Г. Ёмкина). “А вот то, что его статью (статью В. Лютого. – **Ст. К.**) о романе Тимофеева не опубликовал Казинцев в “Нашем современнике” лишь

потому, что она не лестная, — это обстоятельство как раз не на пользу уважаемому журналу” (из статьи В. Киякова “А был ли мальчик?..”) В этой же статье Кияков упрекает А. Казинцева за то, что в прошлом году в связи с его 65-летием в журнале было опубликовано множество дифирамбов, славящих юбиляра (от Н. Рыжкова, З. Прилепина и т. д.), но этот упрёк я не считаю основательным, поскольку такого рода похвалы мы печатали по адресу и других сотрудников журнала — Александра Сегеня, Сергея Куняева. Да и я, грешный, получил их немало, особенно в дни 80- и 85-летия. А что остаётся делать, если государство не замечает лучший толстый литературный журнал, в упор не видит его роли в культурной жизни страны? Остаётся уповать на отзывы читателей, начиная с Патриарха Всея Руси и кончая скромными библиотечными работницами, знающими истинную цену “Нашему современнику”. А что касается нашей скандальной “вирусной” дискуссии, то да будет этот “несчастный случай” уроком всем её участникам, о чём наш нижегородский автор Ярослав Кауров, поэт и доктор медицинских наук, пишет в “отклике” от 21 апреля 2020 года:

Дорогой Станислав Юрьевич! Христос Воскресе!

Пусть это возгласие утешит все горести, пресечёт все сомнения, пригнет боль. О чём были наши страхи до эпидемии? Что терзало душу и не давало видеть красоту, бесконечную красоту мира? Какие надежды и помыслы занимали утомлённый разум? Что из них осталось в душе, а что испарилось, как волна, попавшая на раскалённый солнцем камень?

На эти вопросы нужно ответить всем живущим в наше время. Испытание было неминуемо. Слишком многое накопилось. Безумие тех, кому в жизни досталось богатство и власть, — вот настоящая зараза. Она постепенно поражала даже самые нищие слои, которые, на самом деле, всегда являются самыми духовными.

И как мудро поступил Господь! Если бы он изменил климат и поверг народы в бездну смерти, разорения и нищеты, высшие (псевдовысшие) слои переехали бы туда, где климат оптимальный. Если бы разразилась ядерная война — они укрылись бы в замках и подземных убежищах. А от этой заразы не укрыться ни одному толстосуму. Наворованное не спасает.

Нищета — это не всегда глупость, как пытались объяснить нам последние 30 лет. Это ещё и страх Божий. Это нежелание, невозможность управлять жизнью других. Страх ошибиться и принести боль и несчастья. Неприятие подлости, жадности, бесконечной жестокости, которая и формирует состояния.

В нашем мире ничего нельзя просчитать. Интриги бесполезны. Чаще всего интриган гибнет первым. Компания жаждущих богатства — это банка с пауками. Банку встряхивают, и наверху оказываются случайные кровососы. Если они к тому же и тупы (что бывает чаще всего — умный не лезет в банку), то начинают считать себя избранными.

В кельях самоизоляции нам дано прислушаться к себе, к этому миру, взглянуть в глаза близких, посмотреть долго и внимательно на небо. Даже через форточку.

Зараза распространялась давно, с тех времён, когда в советской стране соседи начали шептаться, провожая взглядом вора или цеховика: “Умеет жить!!!” Потом эти умельцы выкрали страну, и на празднике под названием “малина” поделили её. А потом вы всё помните сами. За эту заразу Америка расплавляется больше всех. Алчность, неумение и нежелание помогать другим позволяет косить бизнесменов-жуликов как налившуюся соком высокую траву.

Нужно понять, что на самом деле нам нужно гораздо меньше, чем пытались внушить нам реклама. Самодостаточным не бывает скучно. Бесятся неполноценные. Нужно понять, жильё — от бури, одежда — для тепла и срам прикрывать, еда — для здоровья, а свобода и любовь — для всех.

Без реальной опасности до нашего сознания ничего не приходит. Нужно пройти эти испытания с пользой для души. Только вера может дать чувство защищённости, вера — это доверие к Богу. Воля Твоя! Да будет воля Твоя! Здоровья и радости Вам и Вашим близким! Доверия! Веры!

**Ярослав Кауров,
г. Нижний Новгород**